

Метаязыковая рефлексия в американской поэзии (на примере текстов П. Роджерс)

Ю. С. Холманских

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия
elacraucity@yandex.ru

Аннотаци. В статье содержится опыт применения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу лингво-философской проблематики в творчестве американской поэтессы – филолога П. Роджерс. Раскрываются особенности креативной концептуализации понятия «язык» и роль метаязыковой рефлексии в поэзии П. Роджерс, обращенной к фундаментальной проблеме взаимодействия мышления, языка и действительности в процессе семиозиса. Описываются когнитивные техники, помогающие автору сформировать целостный интегрированный образ языка.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, американская поэзия, концептуализация, метаязыковая рефлексия, визуально-образная репрезентация

Для цитирования: Холманских Ю. С. Метаязыковая рефлексия в американской поэзии (на примере текстов П. Роджерс). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 149–155. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_149

Original article

Metalanguage Reflection in American Poetry (based on texts by P. Rogers)

Yulia S. Kholmanskikh

Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia
elacraucity@yandex.ru

Abstract. The article contains the experience of applying cognitive-discursive approach to the analysis of linguo-philosophical problems in the work of the American poet and linguist P. Rogers. The study reveals the features of the creative conceptualization of the concept of «language» and the role of metalinguistic reflection in poetry, addressed to the fundamental problem of interaction between thinking, language and reality in the process of semiosis. The paper also describes cognitive techniques that help the author to form a holistic, integrated image of the language.

Keywords: cognitive-discursive approach, American poetry, conceptualization, metalanguage reflection, visual-figurative representation

For citation: Kholmanskikh, Yu. S. (2023). Metalanguage reflection in American poetry (based on texts by P. Rogers). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 149–155. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_149

ВВЕДЕНИЕ

Современные американские поэтические тексты довольно часто содержат размышления о сущности и фактах языка, его границах и философских основах. Сама поэзия в большой степени «лингвоцентрична» (Н. А. Фатеева), поскольку язык – главный инструмент пишущего. Это базовый концепт, предмет исследования, не вполне доступный исключительно логическому, рациональному постижению, который приобрел «множество интерпретаций как на оси времени (в диахронии), так и на отдельном временном срезе (в синхронии)» [Чернейко, 2001]. Представляют интерес интеллектуальные образы сложного уопостижаемого понятия «язык», сложившиеся в фундаментальных выводах различных типов дискурса. Человеческая личность не существует вне языка, и в этом смысле его можно воспринимать как предельное понятие, то есть такое, «более которых нельзя помыслить» (А. Кентерберийский). Сочетание философского, естественнонаучного, филологического и художественного компонентов порождает метаязыковую рефлексию, в ходе которой ученые – лингвисты, преподаватели университетов, стремятся развить предметную лингвистическую область поэтической речи. Возникает проблемный вопрос: какие именно когнитивные техники помогают ученому – поэту сформировать целостный интегрированный образ языка, сохраняя баланс между научным описанием и субъективным художественным видением? Предметом непосредственного анализа в данной работе станут функции метаязыковой рефлексии и языковые репрезентации концептуальной структуры «язык», оказавшиеся в центре внимания Паттианн Роджерс (род. 1940). Паттианн Роджерс – признанный американский литератор, преподаватель университета, чьи тексты являются новыми для русскоязычной аудитории. Ее творчество известно сочетанием научных размышлений с чувственными образами и философией: «оно поражает нас поэтической гимнастикой, смешивая научную теорию с сочным поэтическим ритмом» [Rogers, 2020].

МЕТОДОЛОГИЯ

В рамках данного исследования предпринимается попытка задействовать когнитивные стратегии для понимания и декодирования художественно-поэтического текста, которые позволили бы нам выделить способы (схемы) авторской концептуализации понятия «язык». При этом обобщенно концепт понимается как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной

структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных ... 1996, с. 90]. Способы концептуализации отражают ментальные алгоритмы, закрепляющие момент переживания когнитивного опыта в пространственно-временных координатах. Сознание отмечает основные признаки объектов, фиксирует связи между ними, и затем человек находит языковые единицы для отображения полученного знания в рамках языковой системы. Необходимо учитывать такие факторы, как повторяемость концептуальных схем, их динамический характер и взаимодополняемость в образовании понятийного поля.

Когнитивно-дискурсивная лингвистика (Е. С. Кубрякова), ставящая во главу угла соотношение когнитивных структур с языковыми, обладает большим исследовательским потенциалом, поскольку в рамках этого метода текст является вербально оформленным результатом познавательной деятельности мозга. Взгляд на образ языка в тексте в когнитивно-дискурсивной парадигме позволяет синтезировать различные исследовательские точки зрения и задействовать несколько методов изучения многоуровневого концепта, в частности, лингвистический анализ, концептуальный анализ, интерпретационный анализ (комментирование и систематизация метаязыковых высказываний), лингвосомиотический и лингвофилософский анализ метаязыковых репрезентаций.

Одним из важнейших понятий в этой парадигме является контекст, как микро и макросреда существования языковых значений, включающая в себя внеязыковые факторы. Они необходимы для понимания языковых значений. При этом когнитивный контекст понимается не столько как совокупность парадигматических и синтагматических связей лексической единицы, сколько как ментальная сфера (концептуальная структура). Она содержит информацию, связанную с языковым знаком, и возникает в качестве когнитивного фона при осмыслении соответствующего объекта реальности. Таким образом, когнитивный контекст понимается широко – он связывается не только с феноменом языка, но и сопутствующим ему ментальным полем. Особо актуален когнитивно-дискурсивный анализ текстов, содержащих метаязыковую рефлексию, поскольку их авторы существуют в пространстве узкопредметного «лингвистического универсума», как «множества письменных текстов – продуктов речемыслительной деятельности человека вне конкретного языка» [Карпов, 1992, с. 38].

Природа концепта «язык» приводит к тому, что попытки его определить через другие, связанные с данной областью понятия носят автореферентный, рекурсивный характер. Деятельность автора приобретает вид метаязыковой рефлексии. Под метаязыком мы понимаем язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык – объект», т. е. как предмет языковедческого исследования» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 509]. Понятие «метаязык» было разработано Львовско-варшавской школой аналитической философии (Р. Карнап, С. Лесневский, А. Тарский). Применительно к лингвистике первым его ввел в научный оборот Р. Jakobson [Якобсон, 1985]. В дальнейшем понятие метаязыка разрабатывали О. С. Ахманова, А. Вержбицкая, Н. Б. Гвишиани, В. П. Даниленко, А. А. Немыка, Н. А. Фатеева, М. Р. Шумарина и другие. В данной работе остается за скобками системно-терминологический аспект метаязыка. Автор сосредоточивается преимущественно на метапоэтических феноменах. Они определяют совокупность условий текстопорождения. Здесь метапоэтика – это «поэтика по данным метаязыка (языка, на котором описывается язык – объект) и метатекста, поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста», в нашем случае, языковедческих научных работ [Штайн, Петренко, 2008, с. 14]. Среди привлекающих внимание поэтов лингвистических фактов можно выделить знаковую природу языка, вопросы границ и истинности языкового отображения действительности, проблемы номинации, формирования концептов, референции и смыслообразования абстрактных понятий.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА В ПОЭЗИИ П. РОДЖЕРС

В ходе когнитивно-дискурсивного анализа произведений П. Роджерс были выявлены следующие схемы концептуализации понятия «язык»: выделение основных дефиниционных признаков понятия (актуализация его свойств в речи) и механизм визуально-образных репрезентаций. Каждый из названных механизмов обеспечивает добавление кванта информации в содержание концепта. Его интерпретационное поле формируется под воздействием когнитивных признаков, «которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [Попова, Стернин, 2007, с. 82]. Стоит отметить, что отличительной чертой стиля П. Роджерс является ограниченное

использование такого распространенного в рамках поэтического дискурса инструмента языковой репрезентации концепта, как метафора. Это наряду с употреблением в ее произведениях терминов (neuron – нейрон, subsequent – последующий, bivalve – двустворчатый, axis – ось, verb – глагол, predicates – сказуемые, syllables – слоги, vowels – гласные, assertion – утверждение, object – объект, substance – суть, cognizance – компетенция, sentence – предложение, concept – концепт, cellular – клеточный, attributes – атрибуты и т. д.) приближает тексты П. Роджерс к текстам научного дискурса.

Рассмотрим, как именно реализуются вышеописанные когнитивные техники непосредственно в тексте. В стихотворении «Обучая морскую черепаху, которая внезапно обрела дар речи..» (Teaching a Sea Turtle Suddenly Given the Power of Language...) [Rogers, 1994, с. 176–177] автор визуализирует вопрос о взаимодействии мышления, языка и действительности в процессе знакообразования, представив рептилию, неожиданно получившую дар речи. Абстракции, отображаемые в языке, формируются в результате наблюдения и опыта: «твое движение называется скольжение, парящее проталкивание себя» (your motion is called gliding, soaring propulsion of self), «скажи яйцо, скажи я породила, скажи рождение в теплом песчаном суглинке» (say 'egg', say 'begat', say 'birth' in the warm sandy loam). Становится возможным «создать свою личность при помощи языка» [Rogers, 1999, с. 7]. (Здесь и далее перевод автора. – Ю. Х.) Поэт описывает ход создания языковой картины мира, реализацию когнитивных лингвистических механизмов: «очерчивая границы того, что называется «я» (tracing all the boundaries of that which is called 'self'), «постарайся запомнить тяжеловесную медленнодвигающуюся тишину (heavy ponderous slow-shifting silence), которая была всем, что ты не осознавала, пока не обрела голос» (your voice), «здесь, на дне моря, ты вовлечешь себя в формирование мозга (the making of your brain), каждое новое слово одновременно приведет в действие каждый соленый пульсирующий нейрон» (each new word bringing a salt-pulsing neuron simultaneously into existence). Посредством этой образной аналогии П. Роджерс подчеркивает тот факт, что феномен, воспринятый сознанием, но невербализованный, носит смутный характер. Появление специального обозначения для этого факта придает ему четкие очертания. Таким образом, языковое сознание делает субъекта способным порождать тексты, тогда как его языковое самосознание тесно связано с метаязыковой деятельностью: «именно с ощущения этого момента начнется сотворение себя» (it is from the

awareness of this precise moment that the creation of yourself begins).

В стихотворении «The Mad Linguist» (Сумасшедший лингвист) на первый план выводятся размышления о степени адекватности отображения мира имеющимися языковыми средствами. П. Роджерс отмечает: «Номинация – это чисто человеческая деятельность» [Rogers, 1999, с. 25]. Если знак подобран точно, то его употребление способно создать прочную связь между говорящим и называемым объектом, «воссоздать мир при помощи языка» [там же, с. 25]. Визуально – образная репрезентация здесь строится на метафоре: сумасшедший лингвист, говорящий на труднопереводимых наречиях – окружающий мир, нуждающийся в том, чтобы его обозначили, зафиксировали и истолковали. Его конструкции подобны «закручивающимся вокруг своей оси завиткам морской улитки» (winding like the whorls of a whelk's shell around their axis), странная логика речи разворачивается как «сеть переплетенных вытянутых ветвей тополя» (network of ever-smaller branches spreading outward as poplar), «каждый глагол содержит аллюзию восхождения» (every verb contains a subtle allusion to ascension), «сказуемые поднимаются вертикально от сосен в небо» (predicates rise vertically out of pines into the sky). Существуют «языки температуры и солнца, гласные которых звучат медленно и осторожно» (tongues of temperature and sun, voicing the same slow careful vowels). П. Роджерс наглядно представляет семиотическое понятие кода как набора знаков, системы их значений и правил сочетания, а также алгоритмов создания текстов. Код внеязыковой действительности представляет собой шифр, который интерпретируется человеком. Для успешной коммуникации код адресанта и адресата должны совпадать: «все произносимые слова предполагают наличие слушающего, способного их воспринять», говорится в стихотворении [Rogers, 1994, с. 201 – 202]. Однако, по мнению П. Роджерс, это сложнодостижимо, поскольку «язык слишком неточный, слишком ограниченный, чтобы касаться предмета, лежащего в основе поэзии», задача поэта – «постоянно стремиться преодолеть эти ограничения» [McCann, 1987, с. 33]. П. Роджерс задается вопросом о том, «почему вещь не может быть одновременно разными вещами, и даже противоречить сама себе, при этом сохраняя свою целостность» [там же]. Внутренний мир человека полон невербализованных представлений, и, чтобы исследовать неизвестное, требуется напрячь внутреннее семиотическое зрение, зафиксировать его в языке. «Именно в этом смысле П. Роджерс употребляет слово «вспомнить», т.е. «отыскать подходящее имя» (I am trying find your name. I am trying to remember

<...> I am trying to recall your name) [Rogers, 1994, с. 44 – 45]. По мнению П. Роджерс, не стоит останавливать процесс познания, как только вещь обрела имя и место в понятийной системе языка. Знак вырывается на свободу, поскольку «приписав знаку значение <...> сознание неспособно удержать его от расползания, перехода, раздвоения, стирания» [Бибихин, 2007, с. 73]. Язык предписывает четкие референциальные связи, но, по сути, субъект имеет дело лишь с вероятностными интерпретациями.

В стихотворении «Прекращение» (The Abandonment), посвященном процессу создания текста, исследуется вопрос о номинативной функции языка [Rogers, 1982, с. 32]. При номинации получают название только те предметы реальности или вымышленной сферы, на которые направлено внимание и мысль субъекта. Обладая зрительными, слуховыми, тактильными ощущениями и интерпретируя их, мозг выявляет закономерности воспринятых явлений, сортирует их, обобщая и кодируя при помощи знака. Стремясь визуализировать это теоретическое положение, П. Роджерс прибегает к цепочке дескрипций, относящихся к основным дефиниционным признакам «мира вне языка». Когда заканчивается речемыслительное действие (when the pen rolled into the infinity), мир исчезает, пропадая в сером небытии неназванного. Небо оказывается сплошной серой плитой без начала и конца (one solid plate of grey <...> from no definable point), холмы становятся предсказуемой плоской серой массой (flat predictable hills of common grey), мир невидимым, безголосым, бездвиженным и пустым (motionless, silent-grey, invisible, out-of-sight, empty). Название крика птицы неразличимо сливается с названием рассеянного аромата цветка (the name of the blue teal's cry merged without detection into the name of the dissipating odor of the butterfly pea). Размышления П. Роджерс о концептуализации и смыслообразовании связаны с философским тезисом Дж. Беркли «существовать – значит быть воспринятым», наглядно иллюстрируют его.

Когнитивная функция языка, способы образования концептов также становятся темой размышлений для поэта и базой для обогащения интерпретационного поля рассматриваемого концепта. Отмечая чувственную основу образования абстрактных понятий, П. Роджерс актуализирует смыслы при помощи визуальных образов: «перемещающиеся скопления морских водорослей, одно за другим, плавающие угри, радужные рыбы и рассыпанные водоросли называются «время» (the passing of seaweed clusters, one after another and floating eels and rainbow wrasse and scattered obelia is called 'time') [Rogers, 1994, с. 176–177]. Многократно отражая объект окружающего мира,

сознание человека выделяет его основные когнитивные признаки, выявляет в них закономерности, распределяет по областям восприятия, обобщает и именует их. Процесс образования концепта всегда обусловлен действительностью, но не полностью определен ею. Так, некто, родившийся в пустыне, воспринимает концепт «восторг» «в терминах текущих разлившихся вешних вод, несущихся через сухое русло» (*ecstasy in terms of fluidity, high spring water in motion through the arroyo*), для живущего среди равнин «бесконечный плоский диск» представляет собой основу для всех абстракций (*basis for all abstractions*) [Rogers, 1994, с. 32]. Вид черепахи, панцирь которой напоминает соты, имеет прямое отношение к формированию концепта «концентричность – определенно клеточное строение зрения» (*He sees concentricity there for the first time <...> The concept is definitely the cellular arrangement of sight*). Образ панциря служит «универсальным предметным кодом» (З. Д. Попова), становясь ядром, вокруг которого выстраиваются новые когнитивные слои. В основе концепта свободы лежит вид сентябрьского поля, покрытого тенями деревьев (*And freedom is this September field covered this far by tree shadows*), движущее начало – это прыгающая лягушка (*bullfrog, spread and sailing, but the body of initiative*), а изменчивость (колебания) – полет бабочки (*the butterfly's path <...> erraticism*) [Rogers, 1981, с. 57–58]. Впервые запечатленный в сознании образ, базирующийся на сходстве, служит точкой отсчета для последующего формирования интерпретационного поля концепта, обуславливает его связь с другими ментальными структурами. Например, для ребенка, выросшего у моря, его яростная мощь, девятый вал будут ассоциироваться с Божественной силой (*the formation of the vocabulary which he chooses to assign to God*) [Rogers, 1994, с. 33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги сказанному выше. Каково семантическое пространство языка, складывающееся в поэзии П. Роджерс? С одной стороны, оно соответствует определению информационной части базового лингвосемиотического концепта «язык». Причем язык понимается как понятийное поле, включающее в себя другие научные концепты. Они связаны с отношениями между знаками: «смысл», «значение», «образ», «символ», «универсалия», «референция», «концепт», «знак», «речь», «модель» [Антология концептов, 2005, т. 1, с. 333]. Образная составляющая концепта, отражающая когнитивные схемы, материализующие концепт в языковом сознании, также вполне универсальна,

поскольку она отражает алгоритмы, используемые многими авторами, пишущими о лингвистических вопросах (Т. Хоагланд, К. Легго, Л. Уорш и др.). Это, прежде всего, – выделение основных дефиниционных признаков понятия: свойство языка выносить любую вещь в пространство присутствия, отображать ментальные структуры реального и воображаемого миров, способность к развитию, национальная специфика, умение передавать сообщения, служить средством познания и т. д. Также это – механизм визуально-образных репрезентаций: окружающая действительность как код вселенной, мир вне языка как вакуум, эволюционный характер языка как поступательное движение в физическом пространстве и пр. Индивидуальна здесь интерпретационная часть концепта, куда вошли ассоциативные характеристики понятия «язык».

Поэзия П. Роджерс отражает основное свойство языка, а именно, его двойственность, находящую свое выражение в существовании ряда противоположностей. Язык – это одновременно и объективные невидимые оковы сознания (*language is too imprecise, too limited to address the underlying subject of most poems*), и субъективный «знак целого мира» – онтологическая сущность [Бибахин, 2007, с. 89]. Язык способен раздробить восприятие, запутав понимание (*language simply breaks apart and categorizes the total <...> experience*), но также может создать организованную личность (*people working with language and words in order to try and explain to themselves what "I" was*). Для П. Роджерс язык – не только деятельность, но и ее продукт, через свой гносеологический потенциал позволяющий человеку «исследовать, лелеять и утвердить мир» (*investigate the world, nurture the world, affirm the world*) Язык принадлежит как материальному, так и идеальному пространству (*things that we haven't been able to verbalize yet*) [Mc Cann, 1987, с. 34]. Он изменчив и текуч, и в то же время устойчив (*ancient language*). Язык отражает индивидуальное (человек, рожденный в лесу, формирует концепт «небо» через просвет между деревьями) и коллективное сознание (вопросы универсалий).

П. Роджерс представляет собственный опыт, отражающий семантическое наполнение концепта как сочетание различных типов осмысления реальности, на стыке поэтического, обыденного и научно-лингвистического дискурсов. Метаязыковая рефлексия в поэзии позволяет оценить свои знания языка и о языке: «важно еще одно измерение этой компетенции – креативное, которое трансформирует способность «претворять языковые факты в предмет речи» в способность порождать новые языковые факты и расширять предметную

лингвистическую область поэтической речи» [Фатеева, 2017, с. 77]. Концепт «язык» при помощи собственных автору лингвостилистических средств репрезентации реальности в художественной картине мира, становится «персонажем» произведения [Бразговская, 2009]. Включаясь в авторскую языковую игру стихотворения, он представляет собой одну из ключевых текстопорождающих доминант. Яркое творческое описание сложных

лингвистических фактов делает многоуровневые научные идеи более доступными для восприятия, подталкивает к дальнейшему их развитию в силу заряженного эмоционального импульса, обращению к чувственной природе читателя. Применение когнитивно-дискурсивного анализа художественно-поэтического текста способно обогатить лингводидактику, выводя исследователя в широкий спектр общегуманитарных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чернейко Л. О. Металингвистика: хаос и порядок // Вестник Московского университета. 2001. Серия 9. Филология, №5. С. 39–53.
2. Rogers Pattiann. (2020). <https://www.poetryfoundation.org/poets/pattiann-rogers>.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Издательство Московского университета, 1996.
4. Карпов В. А. Язык как система. Минск: Вышэйшая школа, 1992.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.
6. Якобсон Р. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985.
7. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Язык метапоэтики и метапоэтика языка // Метапоэтика: сборник статей научно-методического семинара «Textus» / под ред. В. П. Ходуса, 2008. Вып. 12. С.14–46.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
9. Rogers P. Fire-Keeper (New and Selected Poems). Minneapolis: Milkweed Editions, 1994.
10. Rogers P. The Dream of the Marsh Wren: Writing as Reciprocal Creation. Minneapolis: Milkweed Editions, 1999.
11. McCann. R. An Interview with Pattiann Rogers // The Iowa Review. 1987. № 17 (2). P. 25–42.
12. Биbihин В. В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007.
13. Rogers P. The Abandonment // Poetry, April, 1982. P. 32.
14. Rogers P. The Expectations of Light. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1981.
15. Антология концептов: в 2 т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1.
16. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.
17. Бразговская Е. Е. Язык как персонаж: художественная философия языка Чеслава Милоша // Филолог. 2009. № 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_10.

REFERENCES

1. Cherneiko, L. O. (2001). Metalinguistics: chaos and order. Lomonosov Philology Journal, 5, 39–53. (In Russ.).
2. Rogers, Pattiann. (2020). <https://www.poetryfoundation.org/poets/pattiann-rogers>.
3. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. (1996) = Concise Dictionary of Cognitive Terms. E. S. Kubryakova (ed.), Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
4. Karpov, V. A. (1992). Yazyk kak Sistema = Language as a system. Minsk: Vyshejschaya shkola. (In Russ.)
5. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar (2002) = Linguistic encyclopedic dictionary. V. N. Jarceva (ed.). Moscow: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russ.)
6. Jakobson, R. (1985). Izbrannye Trudy = Selected works. Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Shtajn, K. E., Petrenko, D. I. (2008). Yazyk metapoetiki i metapoetika yazyka = The language of metapoetics and the metapoetics of language. V. P. Hodus (ed.), Metapoetika: sbornik statej nauchno-metodicheskogo seminar «Textus», 12, 14–46. (In Russ.)
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka = Semantic-cognitive analysis of language. Voronezh: Istoki. (In Russ.)

9. Rogers, P. (1994). Fire-Keeper (New and Selected Poems). Minneapolis: Milkweed Editions.
10. Rogers, P. (1999). The Dream of the Marsh Wren: Writing as Reciprocal Creation. Minneapolis: Milkweed Editions.
11. McCann, R. (1987). An Interview with Pattiann Rogers. The Iowa Review, 17(2), 25–42.
12. Bibihin, V. V. (2007). Yazyk filosofii = The language of philosophy. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
13. Rogers, P. (April, 1982). Poetry. The Abandonment, 32.
14. Rogers, P. (1981). The Expectations of Light. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
15. Karasik V. I., Sternin I. A. (Eds.). (2005). Antologiya konceptov = Anthology of concepts (vol. 1): in 2 vols. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
16. Fateeva, N. A. (2017). Poeziya kak filologicheskij diskurs = Poetry as a philological discourse. Moscow.: LRC Publishing House. (In Russ.)
17. Brazgovskaya, E. E. (2009). Language as a character: artistic philosophy of the language by Czeslaw Milosz. Philolog, 8. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_10. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Холманских Юлия Сергеевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации»

Уральского государственного университета путей сообщения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kholmanskikh Yulia Sergeevna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications

Ural State University of Railways Transport

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.02.2023
20.04.2023
03.07.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication